

Глава 4. Объяснение

Цэнь Сяолу лишь глухо отозвался:

— Понятно.

Он и вправду взял сладости, но так и не притронулся к ним. Толкнув дверь, он собрался уходить.

— «Понятно»? — Чан Я замер, не в силах осознать такую краткость. Он надеялся, что вопрос о засахаренных фруктах станет поводом для объяснения, а в ответ получил лишь это сухое «понятно»?

Цэнь Сяолу своим видом ясно дал понять, что пускаться в пояснения не намерен. Он распахнул дверь и, не задерживаясь ни на мгновение, скрылся в своей комнате.

У Чан Я дыхание перехватило от возмущения. За какие-то минуты его чувства совершили головокружительный вираж: только что он был тронут тем, что Цэнь Сяолу среди ночи принес ему лекарство, и вот теперь — онемел от досады из-за его поразительного равнодушия.

Даже когда Чан Я улегся в постель, гнев не утих. Он так и уснул — с надутыми щеками, тщетно пытаясь прогнать из мыслей этот нелепый разговор.

Поскольку Цэнь Сяолу всё ещё восстанавливался после ран, Чан Фулянь решил временно закрыть Динцюэ на месяц. В этот период письма с запросами на призыв духа не принимались, а время планировалось потратить на отдых и восстановление сил. Чан Я получил приказ убрать висевшую у ворот табличку со списком прошений и заменить её другой, гласящей: «Динцюэ закрыт, подача прошений возобновится через месяц».

Лекарь Чан обладал познаниями в медицине, поэтому все важные заботы о Цэнь Сяолу — перевязки, диету и иглокалывание — он взял на себя. Чан Я лишь наблюдал со стороны, не в силах вмешаться; единственное, чем он мог помочь, — это ежедневно вовремя готовить для больного целебные отвары.

Признаться, на душе у Чан Я всё ещё было беспокойно. Глядя на то, как дедушка окружил Цэнь Сяолу почти материнской заботой, он чувствовал укол ревности. Раньше он был единственным ребенком в доме, и вся его любовь принадлежала ему одному. Теперь же появился этот чужак, отнявший добрую долю внимания — дедушка даже перестал проверять его успехи в учебе.

И хотя сейчас Чан Я смотрел на Цэнь Сяолу свысока, он исправно варил ему снадобья, строго

соблюдая дозировку. В конце концов, не зря же он тащил этого парня на своей спине до самого дома.

День за днем Цэнь Сяолу шел на поправку. Хотя он и раньше мог вставать, Чан Фулянь настаивал на постельном режиме — так раны заживали быстрее. Но настал день, когда ему наконец позволили выйти во двор.

В этом возрасте Чан Я любил поспать подольше, однако привычка брала свое: он поднимался на рассвете, чтобы повторять каноны, иначе рисковал получить по рукам дедушкиной линейкой.

Умывшись у колодца, Чан Я не удержался и заглянул в воду, как в зеркало. Он осторожно коснулся лба — корочка на ране уже сошла, обнажив нежную молодую кожу. Это пятнышко было чуть светлее остального лица, но, если не присматриваться, оставалось почти незаметным. Он широко улыбнулся своему отражению: «Отлично, шрама не будет. А лекарство-то у этого Цэнь Сяолу и впрямь толковое».

Стоило ему с довольным видом обернуться, как он едва не вскрикнул от испуга — прямо за его спиной, подобно бесплотному духу, стоял и молча наблюдал Цэнь Сяолу.

Прижав руку к бешено колотящемуся сердцу, Чан Я сердито выпалил:

— Ты чего пугаешь? Сложно хоть звук издать, когдаходишь?

— Я... — начал было оправдываться Цэнь Сяолу, но Чан Я вдруг снова охнул.

Он уставился на него, подошел ближе и принялся обходить кругом, бесцеремонно оглядывая с головы до ног. Наконец он замер, пораженно выдохнув:

— Да тебя прямо не узнать!

Цэнь Сяолу, смущенный таким пристальным вниманием, неловко отвел взгляд:

— Я всё тот же. С чего бы мне меняться?

Изменился, да еще как! И дело было не в лице, а в самой стати. Когда Чан Я впервые встретил его, черты было трудно разобрать под слоем грязи. Позже, когда тот умылся, лицо его показалось ледяным и надменным. Теперь же перед ним стоял юноша в новом одеянии, которое купил Чан Я. Волосы были перехвачены необычной черной лентой, расшитой золотой нитью, которая ярко вспыхивала на солнце. Он держался прямо, оказался почти на полголовы выше Чан Я, а болезненная бледность сменилась благородным лоском молодого господина. Исчезла былая резкость, уступив место сдержанному достоинству.

Чан Я, удовлетворенный увиденным, самодовольно заключил:

— У меня глаз — алмаз. Эта одежда тебе очень идет.

Он явно хвалил себя, но Цэнь Сяолу всё равно смутился. Поправив широкий рукав, он отвернулся и бросил через плечо:

— Наставник велел позвать тебя завтракать.

Чан Я впервые видел его таким — растерянным и почти живым. Это показалось ему забавным. Он торопливо выплеснул воду из таза и поспешил следом.

За столом царило молчание. Лишь после завтрака Чан Фулянь обратился к внуку:

— Я-эр, вы с Сяолу ровесники, но ты уже много лет учишься у меня искусству призыва духа. Отныне ты будешь его наставником: познакомь Сяолу с призывом духа. Месяц отдыха скоро закончится, и тогда вам обоим придется отправиться в путь, чтобы разузнать подробности о некоторых просителях.

Чан Я покосился на Цэнь Сяолу и кивнул:

— Хорошо, дедушка.

— И еще, — добавил Чан Фулянь, — не смей отлынивать от учебы. С сегодняшнего дня Сяолу переезжает в твою комнату. Будете заниматься вместе и приглядывать друг за другом.

— Слушаюсь, наставник, — отозвался Цэнь Сяолу.

Так, по воле деда, рядом с Чан Я, увлеченно зубрящим текст, оказался Цэнь Сяолу. В отличие от него, который читал громко и нараспев, Сяолу лишь едва шевелил губами, не издавая ни звука. Чан Я порой нарочно повышал голос, надеясь сбить его с толку, но тот сидел непоколебимо, словно отгородившись от мира невидимой стеной.

Когда пришло время проверки, Чан Я, чье чтение гремело на весь дом, запнулся на первых же вопросах. Он путал слова, переставлял фразы и в итоге окончательно сбился. Цэнь Сяолу же отвечал ровно и безошибочно, не пропустив ни единого знака. После такого сравнения Чан Я почувствовал себя глубоко уязвленным.

Закончив утренние занятия, Чан Я, помня о поручении деда, повел Цэнь Сяолу к воротам.

Справа от входа в землю были вкопаны четыре каменных столба, на которых покоился

четырёхгранный нефрит, сужающийся кверху. Камень был разделен на две части — серую и бурую, а его поверхность покрывала сеть тонких белых прожилок, напоминающих скелет листа. Внутри нефрит был полым, а с внешней стороны виднелась узкая прорезь, куда просители опускали свои письма. С обратной стороны находился потайной замок, позволяющий доставать послания.

— Это и есть Динцюэ, — пояснил Чан Я. — Письма с причинами беспокойства попадают сюда, мы их извлекаем, сортируем и подходящие письма с запросами на призыв духа, отдаем дедушке. Остальные просто уничтожаем.

Цэнь Сяолу задумчиво коснулся поверхности камня. Он ощутил пальцами прохладу, которая мгновенно сменилась мягким теплом. Эта игра температур странным образом дарила покой.

— Удивительно, — прошептал он.

— А то! — Чан Я тоже положил ладонь на камень. — Он умирляет тревогу просителей.

Цэнь Сяолу убрал руку и пытливо взглянул на спутника:

— Кто такие «просители»?

— Ты когда-нибудь видел людей, у которых... ну, не всё в порядке с головой? — спросил Чан Я.

— Ты имеешь в виду безумцев? — уточнил Сяолу.

— Вроде того, — кивнул Чан Я. — Если у человека болит тело, он идет к обычному врачу. Физические недуги можно исцелить, если они не смертельны. Но есть и те, кто страдает от невидимых ран. Сначала это кажется пустяком, но со временем разум слабеет, человек чахнет или вовсе впадает в неистовство. В народе говорят — «голова испортилась».

Цэнь Сяолу слушал очень внимательно.

— Обычный врач здесь бессилен, ведь тело здорово. В народе верят, что такие беды случаются из-за душевных потрясений, когда душа словно теряется. Вот таким «потерянным» и нужен лекарь, призывающий дух. Их мы и называем просителями.

При этих словах Чан Я гордо вскинул подбородок.

— Всё это придумал мой дедушка. Люди в городке прозвали его «лекарем, призывающим дух». Он — врач иного рода. Он дает надежду тем, кто отчаялся, помогая вернуть заблудшую душу. Это мы и называем «призывом духа».

В глазах Цэнь Сяолу на мгновение блеснула острая искра, но он тут же скрыл её и как бы невзначай спросил:

— Значит, и у тебя есть этот особый дар?

— Само собой, — не задумываясь, выпалил Чан Я. — Без него лекарем не стать. Дедушка говорит, у меня исключительная чувствительность, а для нашей работы это важнее всего.

Заметив, что Цэнь Сяолу отвернулся, он поспешил добавить:

— А как у тебя с восприятием?

Цэнь Сяолу уже шагнул во двор, бросив через плечо:

— У меня нет этого дара.

— Эй! — Чан Я бросился за ним, но через пару шагов замер.

Нет дара? Но почему тогда дедушка взял его в ученики? Как он собирается стать лекарем, призывающим дух?

Чан Я тряхнул головой, отгоняя лишние мысли. Раз дедушка так решил, значит, на то были причины.

— Цэнь Сяолу! — крикнул он, вбегая в дом и преграждая путь к комнате.

Тот со вздохом взялся за дверной косяк:

— Что-то еще?

Чан Я подбоченился, стараясь выглядеть внушительно, хотя уверенности ему явно не хватало:

— Конечно! Я еще не всё рассказал. К тому же... разве после обеда нам не нужно заниматься?

На самом деле он испугался, что его слова могли задеть Сяолу. В конце концов, отсутствие дара — не приговор, и он вовсе не собирался из-за этого смотреть на него свысока.

Цэнь Сяолу, выслушав его сбивчивую речь, сам вышел из комнаты и закрыл дверь.

— Идем.

— А, ну да, — Чан Я прошел пару шагов, но тут же вернулся и указал на жаровню в углу. — Слушай, я говорил, что неподходящие письма с запросами на призыв духа нужно уничтожать. Просто бросаешь их сюда и сжигаешь.

— Почему обязательно сжигать? — спросил Сяолу, глядя в черную пустоту жаровни.

— Таков закон врачей. О чем бы ни просил человек, это должно остаться тайной, независимо от того, поможем мы ему или нет. Это гарантия доверия. Люди приходят к нам с самым сокровенным, и мы обязаны оберегать их покой.

— Понимаю, — отозвался Сяолу. Он отвел взгляд от жаровни и посмотрел на него: — Чан Я...

— Да? — вскинулся тот.

— Ничего. Забудь.

Чан Я удивленно моргнул, но, не заметив ничего подозрительного, повел Сяолу к столу во дворе.

— По идее, я должен был показать тебе комнату дедушки, но он сейчас занят делами, так что лучше не мешать. Расскажу здесь вкратце.

— Хорошо, — не стал спорить Сяолу.

— Через несколько дней мы откроем Динцюэ, и повалит народ с письмами с запросами на призыв духа. Наша задача — собрать их, рассортировать и отдать дедушке. После его отбора останутся те, кем мы займемся всерьез. Простые случаи дедушка может поручить нам — для опыта. Но сложные потребуют долгого расследования. Ты не переживай, просто делай как я. Я уже не раз ходил к просителям один, так что справлюсь и с тобой в придачу.

Цэнь Сяолу спокойно кивнул:

— Я и не переживаю.